

Актуальные вопросы изучения Бородинского сражения в современной отечественной историографии

Минувшее десятилетие убедительно показало, что Бородинское сражение как тема исследования до сих пор не утратило своей актуальности. Именно в этот период времени были опубликованы научные труды, позволившие по-новому осветить различные аспекты великой битвы, уточнить обстоятельства, представление о которых на протяжении длительного времени казалось бесспорным. При этом саму тему нельзя отнести к числу мало изученных: ни одно другое событие Отечественной войны 1812 года не привлекало к себе такого пристального внимания историков в течение почти двух столетий. Круг источников, связанных с Бородинским сражением, чрезвычайно велик. Сюда относятся официальная и частная переписка, рапорты, наградные документы, ведомости о потерях, дневники и мемуары действующих лиц той эпохи. Главная проблема заключалась и заключается уже не только в выявлении новых фактов, но и в правильном прочтении и осмыслении всего того, что уже в общем-то известно. Хотя и умалять того, что достигнуто в обнаружении новых источников, было бы неверным. Достаточно назвать такие фундаментальные справочные издания, подготовленные с привлечением новых данных, как «Русские соединенные армии при Бородине...» А.А. Васильева и А.А. Елисеева, «Великая армия. Состав армии при Бородино» А.А. Васильева и А.И. Попова¹ⁱ, документы о Бородинском сражении, опубликованные и прокомментированные С.А. Малышкиным с указанием их происхождения, особенностей бытования и сообщением ряда исторических подробностей²ⁱⁱ. Именно в эти годы появилась публикация А.И. Сапожникова «Записка атамана Платова о

Бородинском сражении», убедительно атрибутированная именно как рапорт о боевых действиях³ⁱⁱⁱ.

Особенностью русской историографической традиции являлось то, что она изначально противоречила сведениям источников. Историки в своих трудах создавали картину сражения, разительно не совпадавшую с тем, как она виделась участникам битвы. Подобное пренебрежение источниками невольно наводило на мысль о наличии предвзятых суждений у историков, что предстояло выяснить. В особенности это касалось хронометрии битвы, которая и сейчас вызывает самое большое число вопросов. Бутурлин, Михайловский-Данилевский, Липранди, Богданович, Витмер, Колюбакин и другие объясняли это тем, что впечатления в разгар сражения трудно уловимы и плохо согласуются между собой, в силу чего от очевидцев, находившихся в гуще боя, невозможно требовать правильного рассказа. Нам представляется, что вина очевидцев не так велика, если обратиться к обстоятельству, сбивавшему с толку многие поколения отечественных историков. Речь идет об установлении последовательности двух значительных событий сражения: ранения князя Багратиона и первой атаки неприятеля на батарею Раевского. Участники битвы свидетельствуют, что укрепление в центре было захвачено бригадой генерала Бонами после ранения Багратиона, в то время как в трудах историков эти события были представлены в иной последовательности. Разрешению этого противоречия была посвящена статья автора данного доклада, опубликованная в соавторстве с А.А. Васильевым в журнале «Родина» в 1992 г. и в этом году вновь вышедшая в свет с существенными дополнениями и уточнениями^{4iv}.

Выявление истины осложнялось тем, что среди участников битвы возникло разногласие в определении времени захвата центрального укрепления. Военачальники Коновницын, Раевский, Евгений

Вюртембергский, военные писатели – очевидцы Клаузевиц и Липранди, например, указывали на раннее время – около 9.00, в то время как «главный виновник события» генерал Ермолов, возглавивший контратаку русских войск на батарею Раевского, указал в Рапорте и в своих Записках другое время, сместив это происшествие к полудню. Для определения истины к исследованию требовалось привлечь еще одну группу источников, которая долгое время игнорировалась по идеологическим соображениям, то есть свидетельства неприятельской армии. 18 бюллетень Великой армии, рапорт генерала Жерара, мемуары капитана Ш. Франсуа, записки генерала д'Антуара и другие указывали время около 9.00. Следовательно, и князь Багратион был ранен в то же время, чему не противоречат ни «Официальные известия из армии от 27 августа», ни дневник его начальника штаба Сен-При, ни воспоминания Раевского и Коновницына и других. Свидетельства Сен-При, Воронцова и Коновницына при сопоставлении с французскими источниками позволили установить хронометрию боя за флеш, ограничив ее 4 атаками вместо 8, бытовавшими в нашей историографии.

Исследования показали, что единственным участником битвы, поменявшим местами оба события, был К.Ф. Толь, генерал-квартирмейстер 1-й Западной армии, любимый ученик Кутузова по инженерно-артиллерийскому шляхетскому корпусу, пользовавшийся неограниченным доверием Главнокомандующего. В связи с этим ему пришлось нести большую долю ответственности за выбор позиции, за размещение войск на ней и за все, происходившее в ходе Бородинской битвы, включая и ее результат. Согласно хронометрии, предложенной Толем и заимствованной у него доверчивыми историками, защита Семеновских флешей велась почти до полудня и закончилась в связи с ранением Багратиона, когда он

предпринял последнюю попытку во главе 2-й гренадерской дивизии отбить флешу у бригады Дюфура из дивизии Фриана, что, согласно русским и иностранным источникам, относится к следующей фазе боя за Семеновское^{5v}. Толь осознавал, что для шестичасового боя Багратиону явно не хватало сил, поэтому в своих сочинениях он сделал то, что не удалось на поле боя: он перебросил на бумаге с правого крыла на левое и ввел в бой 2-й пехотный корпус Багговута, чтобы скрыть время вступления в бой императорской гвардии у Семеновского. Значительный временной отрезок, отведенный историками для защиты Семеновских флешей, привел в отечественной историографии к постепенному наращиванию числа атак, увеличив их вопреки источникам до 8. Таким образом, корпус Багговута, согласно длительно существовавшему заблуждению, подоспел к 4 из этих 8 атак на флешу, тем самым даже опередив 3-ю пехотную дивизию Коновницына, которая подоспела лишь к пятой. Памятник дивизии Евгения Вюртембергского и сейчас возвышается на южной флеше, хотя причисление генерала к защитникам этого укрепления вызывало у него искреннее недоумение, что явствует из его замечания на труды Бутурлина, Михайловского-Данилевского^{6vi}.

Сопоставление нами документов позволило установить довольно раннее перемещение гвардейских полков к Семеновскому в соответствии с распоряжениями Толя и Беннигсена – около 7.00 утра^{7vii}. Этот факт не ускользнул от внимания французов (Рапп и Пеле). Без признания этого факта поведение Кутузова в отношении левого фланга на протяжении долгого времени выглядело, говоря словами современника, «малозаботным». На самом деле войска на этом участке фронта вступали в бой не в том порядке, как предполагалось, но вместе с тем сомнительным становилось утверждение оппонентов Кутузова о нехватке войск у Семеновского. Напротив, Клаузевиц отметил

необычайную плотность построения обеих армий^{8viii}. Перечисленные нами факты свидетельствуют о недобросовестности К.Ф. Толя как главного рассказчика о событиях дня Бородина, но авторитет его существенно повлиял на всю отечественную историографию вплоть до последнего десятилетия.

Сочинениям Толя, озаглавленным «Описание сражения при селе Бородине» (1822–1839), предшествовал документ, который с некоторых пор приобрел статус главного источника: это так называемый Рапорт, или Реляция, или Донесение М.И. Кутузова Александру I о Бородинском сражении^{9ix}. Все эти названия были даны этому источнику уже в советский период историографии, в то время как прежде он публиковался с тем же заголовком, которое он имеет в архивном деле фонда ВУА РГВИА. Там он носит невоенное название: «Описание сражения при селе Бородине», что является совсем неподходящим для Рапорта, но совпадает с заголовками других сочинений Толя. По-видимому, Толь является автором и этого документа, хотя повествование здесь ведется от лица Кутузова, но нет оснований утверждать, что Главнокомандующий подписывал что-либо подобное. Кутузов отправил в Петербург три Рапорта о Бородинском сражении: от 27 и 29 августа и затем от 29 сентября 1812 г. Первые два Рапорта находятся в ЦГИА г. Санкт-Петербурга, а последний – в РГВИА г. Москвы^{1x0}. Оригинала так называемого Рапорта, составленного Толем, не видел никто, поэтому при публикациях во всех изданиях содержится пометка: «копия». Как это ни трудно, но специалистам, очевидно, придется свыкнуться с мыслью, что перед нами рукопись, отражающая один из этапов работы Толя над описанием сражения, а не черновик Рапорта Главнокомандующего.

Следовательно, перед нами стоит задача самим заново воссоздать весь ход битвы и на сегодняшний день удалось сделать немало. В

правильном комментарии нуждается и такой важный документ как «Диспозиция соединенным армиям», подписанное Кутузовым 24 августа, следовательно, отражающее размещения русских войск именно на этот день, причем еще до Шевардинского дела^{xi}. Характер событий 24 августа требует иной оценки, чем та, что прочно укоренилась в нашей историографии. Определение масштаба военного столкновения, в котором участвовала вся армия Наполеона, вряд ли может быть охарактеризована словом «бой». До недавнего времени было не принято объективно излагать события, предшествующие «адскому делу», как назвал Кутузов сражение у Шевардино. Историки умалчивали, либо считали измышлениями, направленными против Кутузова, свидетельства Баркляя, Ермолова, Сен-При, Клаузевица об ошибке, допущенной в первоначальном расположении левого крыла, вследствие чего, 2-я армия вынуждена была отражать нападения неприятеля, по-видимому, во время перемены фронта. По этой же причине, у Семеновского не были завершены инженерные работы.

Намерения обеих сторон при Шевардине также нуждаются в логическом объяснении: атаковал ли Наполеон русские войска, приняв их за арьергард или потому, что заметил явный промах в их расположении, сразу же открывавший ему дорогу в тыл армии Кутузова? Был ли корпус Горчакова (а то, что это был именно корпус убедительно доказано А.М. Вальковичем^{xii}) авангардом или же это был участок линии «кор де баталь», не успевший переместиться к Семеновскому? События у Шевардина вообще привлекают все более пристальное внимание специалистов. Доказательством тому являются основательные статьи А.А. Смирнова, посвященные численности и действию артиллерии при Шевардине^{xiii}.

Бородинскому сражению посвящены работы исследователя из Самары А.И. Попова. Он был первым ученым, который выразил

согласие с предложенной нами хронометрией основных событий сражения и внес значительный вклад в уточнение боевых действий на северном фланге у села Бородина; подробнейшим образом рассмотрел спорные вопросы, касающиеся рейда кавалерии Уварова и Платова^{xiv}, опубликовал интересную полемическую статью о замыслах русского командования на Старой Смоленской дороге^{xv}. Ему же принадлежит книга «Бородинское сражение. Между двух вулканов...», посвященная боевым действиям между Курганной высотой и деревней Семеновское^{xvi}. Кроме французских, автор широко использует немецкие и польские источники, что позволило существенно расширить и конкретизировать наши понятия обо всем, происходившем на этом участке фронта.

Отметим, что на сегодняшний день все работы, посвященные Бородинскому сражению, не утратили дискуссионного характера. С одной стороны, это можно объяснить тем, что они опровергают традиционные представления, складывавшиеся веками, с другой стороны, в изучении Бородинского сражения возникла на новом этапе еще одна неожиданная проблема, связанная именно с широким привлечением иностранных источников, которых так долго не хватало для полноты картины. Теперь они вводятся в оборот и используются в научных трудах А.А. Васильева^{xvii}, А.И. Попова и, конечно же, В.Н. Земцова. Его книга «Битва при Москве-реке»^{xviii} выдержала уже два издания и стала событием для тех, кто изучает не только действия наполеоновской армии, но и русских войск при Бородине. Значение монографии В.Н. Земцова «Великая армия Наполеона в Бородинском сражении» трудно переоценить. В ней задействовано огромное количество источников, благодаря которым частично удалось закрыть белые пятна в русской историографии, где до этого времени практически не увязывались действия наших войск и войск противника. Я не говорю уже о том, что благодаря работам В.Н.

Земцова, мы стали гораздо яснее представлять себе тех, с кем скрестили оружие на поле брани наши предки^{xix}, явив всему свету «искусство правильно умирать»^{xx}.

Эти отрадные события ознаменовались необычной тенденцией: историков, с энтузиазмом занимающихся наполеоновской армией, стало гораздо больше, чем тех, кто посвящает себя изучению русской армии при Бородине. Этим-то и объясняются отчасти новые проблемы, поэтому и возникают иные спорные вопросы касательно хронометрии и боевых действий при Бородине. Так, В.Н. Земцов полагает, что корпус маршала Даву должен был овладеть в сражении только южной флешью, а корпус Нея, в соответствии с этим, должен был атаковать именно северное укрепление, из чего следует, что русское командование также могло заранее предвидеть небывалый по силе удар именно по Семеновским реданам. Бою за флешу изначально приписывается, согласно этой версии, решающее значение в обороне этого фланга русской позиции. Но это утверждение не согласуется с русскими источниками, которые позволяют утверждать, что главный рубеж обороны проходил именно по восточной ветви Семеновского оврага. Именно так об этом говорится в рапортах Кутузова, Багратиона, в дневнике Сен-При, в записках Е. Вюртембергского, Паскевича, Вистицкого, Щербинина и др. Семеновские флешу усиливали оборону этого участка позиции, а главное, служили для связи с войсками Тучкова-1-го на Старой Смоленской дороге. Документы и воспоминания участников битвы указывают на то, что бой за флешу приобрел неожиданно ожесточенный характер после резкого смещения к югу центральной группировки войск маршала Нея, включая вестфальский корпус Жюно. В работах же А.И. Попова и В.Н. Земцова не приводится убедительных доказательств тому, что под северным укреплением, которым должны были завладеть эти войска, следует

подразумевать именно северную флешь, а не батарею, находившуюся на восточном берегу Семеновского оврага на северной окраине деревни^{xxi}. Нашему предположению о том, что именно в этом направлении Нея должен был нанести главный и сокрушительный удар, Попов противопоставил утверждение, что по мысли Наполеона главный удар неприятельские войска наносили на всем участке фронта от Бородина до Утиц^{xxii}. Задачи, стоявшие перед корпусом маршала Нея, он определяет в соответствии с тем, какие цели были поставлены перед его соседями Даву и Богарне, к которым он примыкал флангами. Отметим, что и мы в своих статьях шли тем же самым путем, который привел нас к выводу, содержащемуся во французских источниках: правый фланг французов оказался непомерно усилен (Рапп, Пеле, Коленкур), войска Даву и Нея ворвались в одно и то же укрепление, связь с войсками Богарне была утрачена и в центре обеих армий образовалась брешь, заполненная неподвижными корпусами кавалерии^{xxiii}. Какие еще нужны доказательства, чтобы убедиться в том, что в самом начале битвы ее сценарий претерпел изменения и Семеновские флешы приобрели неожиданное значение, притянув к себе силы обеих армий? Что касается тезиса о нанесении французами удара по всему фронту, то его нельзя подтвердить выкладками из неприятельской историографии; напомним, что Е. Богарне предписывалась довольно пассивная роль – быть «осью сражения», и лишь приостановка наступления у Семеновского около 9.00. заставила Наполеона отдать приказ войскам Богарне об атаке в центре. Заметим, что Пеле придавал решающее значение тому, что Нея самовольно изменил направление атаки, которое вначале вело его к развилке ручьев Каменка и Семеновское. Добавим, зная местность, что затем он должен был, прикрывшись ложиной, выйти на равнину между батареями Семеновского и Курганной высотой. В этом случае с помощью Богарне

удалось бы погасить оба жерла вулканов, и велика была вероятность рассечь боевой порядок русских войск, которых в это время явно не хватало в центре.

Отметим, что в решении многих вопросов тактического характера особое значение имеет научно-исследовательская работа по изучению ландшафта, проводимая заместителем директора Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника А.В. Горбуновым, отраженная в ряде научных публикаций^{xxiv}. Благодаря его изысканиям, многие спорные вопросы, связанные с местонахождением войск в сражении и их передвижениями по полю битвы, получили наглядное разрешение^{xxv}. Без этих изысканий невозможно было реконструировать правдоподобную картину боя как у Семеновского, так и на других участках позиции. Местность у Семеновского сильно препятствовала действиям Даву, Нея, Мюрата, вопреки уверениям о слабости этого участка русской позиции, для овладения деревней Семеновское им требовалось подкрепление. Заслуга русских войск на этом ключевом участке позиции проявилась не в отражении мифических 8 атак, а в том, что они сумели сдержать неожиданный натиск с фронта. Ней же, овладев флешами ценой значительных потерь, фактически пытался реализовать новый замысел, потеснить русские войска путем обхода Семеновского с юга, сомкнувшись флангом с группировкой Понятовского, для чего был использован корпус Жюно.

При сопоставлении русских и французских источников возникает новая проблема хронометрии боя за флеш: ссылаясь на неприятельские источники В.Н. Земцов высказал предположение, что южная флешь уже в ходе первой атаки была захвачена пехотой Даву, которая уже не покидала этого укрепления, вопреки свидетельствам русских источников^{xxvi}. Действительно, в русских источниках почти не

сообщается подробностей о бое за южную флешь, впрочем также как и за остальные две. В связи с этим французские и немецкие источники стали ценным подспорьем в реконструкции происходивших здесь событий. Но в письмах Воронцова указывается точное время потери этого укрепления и его ранения – около 8.00^{xxvii}. Из этого явствует, что флешь была захвачена соединенными силами войск Даву и Нея во время второй атаки. Эта версия находит подтверждение в Рапортах Нея и вюртембергских начальников^{xxviii}. При этом русские и иностранные источники не дают однозначного ответа, сколько раз это укрепление переходило из рук в руки, во всяком случае капитан Г. Боннэ видел в этом укреплении русских кирасир во время контратаки 2-й гренадерской дивизии (то есть примерно в 9.00)^{xxix}.

В изучении действий неприятельской кавалерии у Семеновского много нового внесли работы А.И. Попова, автор пытался синхронизировать их с действиями русской конницы – оказалось, что это не так-то просто^{xxx}. Рапорты и наградные списки русских кавалерийских офицеров, как правило, лишены конкретного указания времени и места события, в них содержатся перечисления подвигов личного состава кавалерийских полков. Действиям тяжелой кавалерии посвящены статьи А.Н. Рязанова, который заметил слабую изученность этой проблемы, хотя сам автор справедливо подчеркнул выдающуюся роль кн. Голицына, соединившего в своих руках все начальство над кавалерией левого фланга. Именно Рязанов обратил внимание на соответствующий приказ кн. Багратиона от 22 сентября^{xxxi}. Известно высказывание Ермолова о том, что местность на левом фланге способствовала действиям именно русской конницы. В этом убеждают иностранные источники, приводимые в трудах Попова, Земцова, Васильева. Если же обратиться к опытам изучения ландшафта, предпринятым сотрудниками Бородинского музея, то становится

совершенно очевидным преимущество русской конницы, атаковавшей южнее Семеновского вдоль кромки Утицкого леса, а также ощутимыми представляются те трудности местности, о которых сообщали Тильман, Лейссер, Тирион.

Сопоставление источников обеих сражающихся армий, попытки увязать воспоминания участников битвы с ландшафтом местности позволили иначе взглянуть и на события вокруг центральной высоты, названной в русской историографии батареей Раевского, а в иностранной – Большим редутом. В.Н. Земцов считает, что это укрепление явилось символом героизма одинаково для обеих армий. Он показывает, как в зарубежной историографии возникли французская, немецкая, польская, итальянская версии событий^{xxxii}. На наш взгляд очень непростой является русская версия всего происходившего на этом участке позиции. Нельзя однозначно определить роль этого укрепления в обороне русской позиции. Можно ли его было считать «ключом позиции» подобно Семеновскому? Военный историк Липранди воспринимал это определение весьма скептически, указав на то, что меры по укреплению центральной высоты были приняты довольно поздно и были крайне недостаточны^{xxxiii}. Генерал Ермолов, прославившийся отражением атаки на батарею, ушел от ответа на вопрос, как именно он сам лично расценивал роль этого укрепления в системе обороны. В «Записках...» он отметил, что ему «натвердили» о важности этой высоты и именно поэтому он бросился ее спасать. Историки отмечают, что центральное укрепление усиливало оборонительные возможности Семеновского, которое в свою очередь прикрывало центральный люнет. По словам инженера Д. Богданова, левый фас укрепления «падал» под выстрелы 60-ти батарейных орудий у Семеновского^{xxxiv}. А.И. Попов справедливо отметил, что с захватом французами Семеновского было предрешено

падение Большого редута. Мы согласны с этим утверждением. Им невозможно было овладеть около 9.00, когда Е. Богарне в одиночку предпринял первую атаку в центре. В русской историографии, правда, существовала еще одна атака – около 8.00, что отражает заблуждение историка Богдановича, полагавшего Багратиона раненым в полдень и относившего к этому же времени подвиг Ермолова^{xxxv}. Узнав из французских источников о нападении на центральную высоту в 9.00, Богданович не стал связывать этого происшествия с именами Ермолова и Бонами, вообразив, что здесь речь идет о какой-то другой атаке. В начале XX в. была установлена истина: девятичасовую атаку окончательно связали с именем Ермолова, но «вымышленную» атаку Богдановича тоже не стали отменять, а просто сдвинули на более раннее время – на 8.00. Об этом можно и сейчас прочитать во многих исторических сочинениях^{xxxvi}. Несмотря на все упреки в адрес Богарне в нерешительности, следует признать, что в 9.00 он бы не смог овладеть большим редутом, так как именно в это время через центр русской позиции передвигались на левый фланг долгожданные 2-й и 4-й пехотные корпуса Багговута и Остермана. Угрозу центру Ермолов сильно преувеличил в своем Рапорте, придав больше весу своему подвигу. Отметим, что ни в Рапорте Кутузова от 27 августа, ни в «Официальных известиях» от того же числа даже не упоминается о центральной высоте. О ней заговорили после Рапортов Ермолова и Барклая де Толли, обидевшегося на непризнание заслуг своих подчиненных и поддержавшего в своих «Замечаниях на официальные известия»... версию о предотвращении Ермоловым угрозы прорыва нашего центра. В этом же документе Барклай противоречит сам себе, так как сообщает, что за батареей уже находился 4-й пехотный корпус, примкнувший флангом к 26-й дивизии Паскевича. Что это – ошибка? Заметим, что время передвижения 4-го пехотного корпуса Остермана

по сей день представляет загадку для историков. Отсутствие точных сведений связано с контузией Остермана и ранением дивизионных начальников Бахметьева 1-го и 2-го, так и не подавших Рапортов. Непонятно, почему в движение пришел 2-й пехотный корпус, располагавшийся значительно дальше от центра и левого фланга, чем 4-й? А если свидетельство Барклая не ошибка? И вообще, сколько войск находилось при батарее при отражении атаки Бонами? Ермолов сообщил о батальоне Уфимского пехотного полка 24-й дивизии Лихачева, явно позабыв о двух бригадах егерей и корпусе Раевского^{xxxvii}, Левенштерн упоминает батальон Томского полка,^{xxxviii} в то время как наградные списки показывают, что офицеры, отражавшие именно эту атаку входили, в основном, в Ширванский и Бутырский пехотные полки^{xxxix}.

Русские документы отразили дух соперничества обеих армий, фронт которых смыкался как раз у батареи Раевского. Кутузова, безусловно, можно упрекнуть в том, что в начале сражения он вверил защите армии Багратиона сразу три сложных участка позиции: и флеша, и деревню Семеновское, и батарею Раевского, местонахождение которой приписывалось к различным участкам фронта в зависимости от того, войска какой армии ее обороняли. Так для Паскевича и Раевского – батарея это укрепление левого фланга, для Милорадовича, Ермолова, Липранди – центра. Даже если в районе центральной батареи не было недостатка в войсках – пока ее оборонял 7 корпус Раевского из 2-й Западной армии Багратиона, вряд ли бы Барклай стал вмешиваться в распоряжения своего соперника. Это была объективная трудность в защите этого пункта, связанная с взаимоотношениями русского генералитета, о которых долгое время не принято было писать и чему старались не придавать особого значения. Именно этот фактор существенно влиял на многие события

Бородинского сражения, о чем мне довелось написать в первой главе недавно вышедшей книги «Бородино. Легенда и действительность»^{xl}.

Что касается последней атаки неприятеля на высоту около 14.00–15.00, то правомерно задаться вопросом: не только кто атаковал, но и кого атаковали. Существует русская версия (Митаревский), что на батарее в это время не было, да и не могло быть орудий, так же как и пехоты, которая пряталась в овраге от интенсивного огня. Следует признать, что после захвата Семеновского судьба люнета была действительно предрешена. Но вокруг батареи в первой линии находилось более 200 артиллерийских орудий. Русская армия в это время стягивалась на позицию по линии Горки – Псареве – лес у Семеновского. Чтобы передвинуть на новый рубеж артиллерию, требовались новые усилия, которыми, на наш взгляд, и объясняются ожесточенные кавалерийские схватки в центре поля.

Действия артиллерии в Бородинском сражении, на наш взгляд, также серьезная проблема для изучения историков. В связи с чем считаем особенно важным отметить выход в свет работы А.А. Смирнова «Генерал Александр Кутайсов» (М., 2002). Кутузова, как известно, упрекают в том, что он не использовал всю имевшуюся у него под рукой артиллерию, чуть ли не половина которой весь день простояла в резерве. По легенде, Кутузов был недоволен начальником артиллерии Кутайсовым, погибшим в сражении, не оставив распоряжений. Ларионов в своей статье опроверг это ошибочное мнение, сославшись в основном на Рапорт начальника артиллерии Левенштерна. Однако существует и такой источник, как ведомости о потерях: большие или меньшие потери в Бородинском сражении понесли все артиллерийские роты^{xli}. Источники отразили другую проблему, вынуждавшую Кутузова действовать осмотрительно. В русской армии потеря орудия приравнивалась к потере знамени, в то

же время ее был явный переизбыток. Об этом сообщает Барклай де Толли в письме к Ростопчину от 12 августа^{xlii}; Багратион, как явствует из его письма от 17 августа тому же Ростопчину, отправил в Москву лишнюю артиллерию («Из Вязьмы приказал я отправить к вам артиллерию: у меня слишком ее много и в тягость мне»)^{xliii}, сэр Роберт Вильсон, сообщая после Бородинской битвы Александру I о недостатках русской армии, первым из них назвал переизбыток артиллерии^{xliv}. Участники сражения свидетельствуют, что орудийная прислуга в бою постоянно заменялась егерями, гренадерами, пехотинцами. Следовательно, проблема заключалась не столько в количестве орудий и их калибре, сколько в том, кто их обслуживал под огнем, а главное, вывозил с поля боя. Об этом же свидетельствует очень важный приказ Кутузова Барклаю и Дохтурову в конце битвы, в котором он сообщает о своем намерении продолжить на следующий день сражение именно потому, что опасается потерять при отступлении всю артиллерию^{xlv}.

Вообще же распоряжения Кутузова в этот день, также как его планы, по-прежнему вызывают много вопросов. Стремясь быть объективными (чему доказательства монография Н.А. Троицкого^{xlvi}) не следует забывать, что многое из того, что мы узнаем о Светлейшем из мемуаров и писем его соперников следует воспринимать критически. Записки Беннигсена и Ермолова, так же, как и оправдательные письма Барклая, были опубликованы, когда результат Бородинской битвы был уже известен. Воспоминания современников позволяют судить о том, что в повседневной жизни Светлейший был далеко не идеален. У него были слабости и как у полководца, но сопоставление сведений, содержащихся в многочисленных источниках, дают основание утверждать, что Кутузов, безусловно, был самой авторитетной фигурой среди русских военачальников и его назначение на высокий пост не

являлось случайностью. Думается, что на сегодняшний день трудно предполагать, что Кутузов всерьез ожидал нападения на правом фланге; ситуация же на левом фланге была обоюдоострой. Ответить на вопрос, почему он так долго удерживал войска на правом крыле, можно обратившись еще раз к хронологии битвы и заметив важную особенность: французы, в отличие от нас, начинают описание боя с событий на южном фланге, в силу чего атака на село Бородино выглядит не как демонстрация, а как удар по фронту, где местность наиболее этому благоприятствовала, т.е. в центре. Недооценивать событий у села Бородина нельзя хотя бы по той причине, что после захвата этого пункта неприятельская артиллерия простреливала уже все линии войск в центре, как о том свидетельствуют русские участники сражения. О результатах сражения нельзя говорить, забывая о целях, которые преследовали обе стороны. Состояние дел с резервами, отсутствие известий о фланговых армиях Тормасова и Чичагова делали возможность отстоять Москву более чем сомнительной. Не следует забывать, что, приняв новое назначение, Кутузов готовился вступить в командование армиями под Смоленском, где у него, пусть гипотетически, существовала возможность перенести театр военных действий в сторону от московского направления. Ко дню своего приезда он избрал Москву как возможность оторваться от преследования, поняв, что в глазах Наполеона сам факт занятия Москвы уже был равен заключению мира. В этом случае Кутузов решился на сражение по мотивам нематериального характера, он уступил требованию Государя и армии, сознавая, что при любом исходе битвы он обречен на отступление при отсутствии резервов^{xlvi}. По меткому замечанию генерала Л.Н. Энгельгардта, Кутузов, добившись решительного успеха, попал бы в затруднительное положение^{xlvi}, так как от него потребовали закрепить достигнутый

успех переходом в наступление, чего бы полководец не смог добиться при наличных силах. Кутузов в Бородинском сражении – это тема, открытая для дальнейшей дискуссии.

Не менее спорными остаются вопросы, связанные с численностью и потерями русской армии при Бородине, формированием ополчения. Этим проблемам посвящены работы известного историка С.В. Шведова^{xlix}.

Большим событием для специалистов, занимающихся изучением «битвы гигантов» явилась, вышедшая в Санкт-Петербурге в 2000 г. монография О.В. Соколова «Армия Наполеона». В этой книге рассматриваются вопросы, связанные с действиями иностранных контингентов Великой армии при Бородине, уделяется внимание дискуссионному вопросу о значимости принятого Наполеоном решения полностью не вводить в бой гвардию, содержатся интересные рассуждения о последствиях этого волевого решения.

В заключение доклада хочется отметить, что главной легендой той незабываемой эпохи остаются люди. Изучению облика защитников отечества посвящены статьи сотрудника Бородинского музея Д.Г. Целорунго, собравшего статистические сведения об офицерском корпусе русской армии^l. Итогом его кропотливой и крайне полезной исследовательской работы является вышедшая в свет ко дню 190-летней годовщины Бородинского сражения книга^{li}. Значительные пробелы, существующие в наших представлениях о героях Бородина, до известной степени восполняются содержательной статьей С.А. Малышкина «Человек в Бородинской битве. Опыт историко-культурологического исследования»^{lii}. Участникам «битвы гигантов» посвящены работы А.А. Смирнова; в частности, им был обнаружен автограф Ростислава Ивановича Захарова, погибшего при Бородине^{liiii}. О своем предке К.М. Нарышкине опубликовал интересную

статью член Ученого совета музея А.К. Нарышкин^{liv}. Герою Бородина принцу Е. Вюртембергскому посвящена подробная статья А.А. Елисеева^{lv}. Нельзя забывать, что наши предки были людьми религиозного мировоззрения. Отныне и эта тема нашла отражение на страницах научных трудов Т.В. Маркиной, Л.В. Мельниковой, Е.В. Семенищевой^{lvi}.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Васильев А.А., Елисеев А.А.* Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 года. Состав войск и их численность. М., 1997; *Васильев А.А., Попов А.И.* Grand Armee. Состав армии при Бородино. М., 2002.

² *Мальшикин А.С.* Русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский и судьба его архива // Труды Российского Государственного военно-исторического архива. Вып. 2. Документальные реликвии Российской истории. М., 1998. С.104-123;

³ *Сапожников А.И.* Записка атамана М.И. Платова о Бородинском сражении // Материалы VII Всероссийской научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». 1998. Бородино, 1999. С.171-177

⁴ *Васильев А.А., Ивченко Л.Л.* Девять на двенадцать... // Родина, 1992. №6-7. С.62-67; *Ивченко Л.Л.* Кто же перевел часовую стрелку? // Родина, 2002. №8. С.40-46

⁵ *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С.348

⁶ *Вюртембергский Е.* Воспоминания о кампании 1812 года в России // Военный журнал, 1848, №1. С.53

⁷ *Ивченко Л.Л.* Бородино. Легенда и действительность. М., 2002. С.45-47

⁸ *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1997. С.71

⁹ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С.134-141

¹⁰ РГИА. Ф.1409. Оп.1. Д. 710. Ч.1. Л. 228-229; Там же. Ф.1409. Оп.1. Д. 710. Ч. I. Л. 234-235; РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Св.10. Ч.2. Д.10. Л.2 и об.

^{xi} Бородино... С. 80-83.

^{xii} *Валькович А.М.* Потерянный корпус. Войска князя Горчакова в 1812 году. // Цейхгауз. № 3. 2002. С. 16-20.

^{xiii} *Смирнов А.А.* Артиллерия Шевардинского редута. // Материалы X Всероссийской научной конференции... М., 2002. С. 182-188; Его же. «Многочисленная артиллерия». О записках генерала К.И.Е. Колочковского. // Материалы V Всероссийской научной конференции. «Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи». М., 2002. С. 141-146.

^{xiv} *Попов А.И.* Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995.

^{xv} *Попов А.И.* «Засадный отряд» Н.А. Тучкова (сомнения в очевидном или апология Беннигсена). // Материалы VII Всероссийской научной конференции... 1998. Бородино, 1999. С. 122-142.

- ^{xvi} *Попов А.И.* Меж двух «вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля. Самара, 1997.
- ^{xvii} *Васильев А.А.* Французские карабинеры при Бородино. // Цейхгауз. № 4-6. 2002; Его же. Французские офицеры Гийом Боннэ – участник Бородинского сражения. // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. М., 2001. С. 67-68.
- ^{xviii} *Земцов В.Н.* Битва при Москве-реке. М., 1999.
- ^{xix} *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001.
- ^{xx} *Земцов В.Н.* Родина. № 8. 2002. С. 26-30.
- ^{xxi} *Попов А.И.* Меж двух «вулканов»... С. 8.
- ^{xxii} Там же. С. 8.
- ^{xxiii} *Ивченко Л.Л.* Планы русского командования в Бородинском сражении и их реализация. // Бородинское поле. История, культура, экология. Можайск, 2000. Вып. 2. С. 7-31.
- ^{xxiv} *Горбунов А.В.* Место расположения Главной квартиры М.И. Кутузова на Бородинском поле. // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1997. С. 3-9; *Его же.* Бородинское поле как уникальная историческая территория. // Материалы научной конференции... Бородино, 1994. С. 6-12.
- ^{xxv} *Горбунов А.В.* Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989-1999). // Воинский подвиг защитников Отечества. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вологда, 2000. Ч. 2. С. 135-144.
- ^{xxvi} *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона... С. 335.
- ^{xxvii} Из воспоминаний графа Воронцова. // *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1900. Вып. 1. С. 202; Записки генерала М.С. Воронцова. // 1812-1814. Москва, 1992. С. 277-278.
- ^{xxviii} Рапорт маршала Нея герцога Эльхингерского... // *Pieces officielles et bulletins de la Grand Armees. Anne 1812. (Extrait du Journal officiel).* Paris, s.a. [1812]. P. 325-327.
- ^{xxix} *Васильев А.А.* Французский офицер Гийом Боннэ – участник Бородинского сражения. // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». М., 2001. С. 67-68.
- ^{xxx} *Попов А.И.* Меж двух «вулканов»... Самара, 1997; *Его же.* Немецкие войска в бою за Багратионовы флеши. // Проблемы истории и историографии зарубежного мира. Межвузовский сборник научных статей. Самара, 1994. С. 42-50; *Его же.* Бой за деревню Семеновское. // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1994. С. 54-62.
- ^{xxxi} *Рязанов А.М.* Кирасиры в Бородинском сражении. // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1997. С. 252-258; *Его же.* Князь Д.В. Голицын в документах и мемуарах участников Бородинского сражения. // Воинский подвиг защитников Отечества. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 2. Вологда, 2000. С. 144-151.
- ^{xxxii} *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона... С. 357.
- ^{xxxiii} *Липранди И.П.* Материалы для истории Отечественной войны 1812 года. Сборник статей. СПб., 1867. С. 18-19; См. подробно: *Ивченко Л.Л.* Бородино... С. 31-32.

-
- ^{xxxiv} Бородино... С. 338.
- ^{xxxv} *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. II. С. 195.
- ^{xxxvi} *Жилин П.А.* Гибель наполеоновской армии в России. 2-е изд. М., 1974. С. 155.
- ^{xxxvii} Бородино... С. 171.
- ^{xxxviii} Там же. С. 363.
- ^{xxxix} Там же. С. 272-273.
- ^{xl} *Ивченко Л.Л.* Бородино... С. 7-11.
- ^{xli} Бородино... С. 202-212.
- ^{xlii} *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812-1815 г.г.). СПб, 1882. С. 92.
- ^{xliii} Там же. С. 100.
- ^{xliv} *Вильсон Р.Т.* Дневник и письма. 1812-1813. СПб., 1995. С. 217.
- ^{xl} Бородино... С. 95-96.
- ^{xlvi} *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов. Легенды и факты. М., 2002.
- ^{xlvii} *Ивченко Л.Л.* Бородино... С. 12-15; Ее же: Планы русского командования в Бородинском сражении. // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Можайск, 2000. С. 7-30; Ее же. М.И. Кутузов в Бородинском сражении. // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1997. С. 10-27.
- ^{xlviii} *Энгельгардт Л.Н.* Записки. М., 1997. С. 178.
- ^{xlix} *Шведов С.В.* Комплектования, численность и потери русской армии в 1812 году. // История СССР. 1987. № 4. С. 131-132; *Его же.* Численность и потери русской армии в Бородинском сражении. // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1994. С. 107-117; *Его же.* Об участии ополчения в Бородинском сражении. // Бородинское поле. История, культура, экология. Можайск, 2000. Вып. 2. С. 75-89.
- ⁱ *Целорунго Д.Г.* Русские офицеры – участники Бородинского сражения. // Бородинское поле. История, культура, экология. Можайск, 2000. Вып. 2. С. 56-74; *Его же.* Русские офицеры, награжденные за участие в Бородинском сражении: опыт статистического исследования. // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1997. С. 265-280; *Его же.* Русские офицеры в Бородинском сражении. // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». М., 2001. С.268-283.
- ⁱⁱ *Целорунго Д.Г.* Русские офицеры – участники Бородинского сражения. М., 2002.
- ⁱⁱⁱ Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1999. С. 105-115.
- ⁱⁱⁱⁱ *Смирнов А.А.* Автограф Ростислава Захарова. // Материалы IV Всероссийской научной конференции. «Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи». М., 2001. С. 164-168.
- ^{liv} *Нарышкин А.К.* Участник Бородинского сражения Кирилл Михайлович Нарышкин. // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Можайск, 2000. С. 90-100.
- ^{lv} *Елисеев А.А.* Забытые герои минувших войн. Принц Вюртембергский. //

Материалы Всероссийской научной конференции. «Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи». М., 1999. С. 58-70.

^{lvi} *Маркина Т.В.* Преосвященный Августин – «Златоуст 1812 года». // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1997. С. 43-51; *Мельникова Л.В.* Место и роль военного духовенства в русской армии в 1812 году. // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Можайск, 2000. С. 161-171; *Ее же.* Русское православное духовенство и народная война в 1812 году. // Материалы IV Всероссийской научной конференции. «Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи». М., 2001. С. 182-192; *Семенничева Е.В.* Атрибуция крестов-мощевиков князей Вадбольских. // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1994. С. 83-88.